

№ 197. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 ИЮЛЯ 1904 г.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 ИЮЛЯ 1904 г. № 197

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Без доставки на годъ 7 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 2 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 65 к.

Съ доставкой и перемѣлкой на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣс. 75 к. Отдѣльные №№ въ конторѣ редакціи и въ магазинах по 5 к.

За пересылку адреса иногородн. подписч. уплачив. 20 к., а городск. переходя въ иногор. — 50 к. Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписка платя загранику: в двѣ ош. противъ бездоставочныхъ цѣнъ. Подписка и объявленія принимаются въ редакціи конторѣ редакціи (Кремль, № 36), отъ 10 ч. утра до 8 ч. веч., въ праздники отъ 12 до 3 ч. дня.

Адресъ типогр. газетъ: Пушкинская 4.

КРЕМЛЬ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

УСЛОВІЯ ПЕЧАТАНІЯ ОБЪЯВЛЕНІИ

За одну строку въ столбцѣ или въ мѣсто для раздѣла текста за первый разъ 40 к., за каждый слѣдующій разъ по 20 к.; полнаго текста — за первый разъ 20 к., за слѣд. разъ по 10 к. При абонитментѣ объявленія дѣлаются соотвѣствующая уступка. Лица, ищущія труда, пользуются уступкою въ размѣрѣ 50%.

Рукописи должны быть за подписью, и адресомъ автора и подателя, въ случаѣ необходимости, измѣненій и сокращеній. Желая получить обратно неопечатанные рукописи, можно приложить марку на пересылку. Мелкіе статьи, замѣтки и стихотворенія не возвращаются.

Редакція для личныхъ объявленій открыта ежедневно отъ 3 до 4 ч. дня.

Редакція и гл. контора помѣщ.: Кремль, 36. Тел. № 533.

Печать.

****** Чувство глубокаго неудовлетворенія осталось послѣ похоронъ А. П. Чехова:—не было рѣчей, которыя подчеркнули бы общественное значеніе печальнаго событія.

За гробомъ,—говорить по этому поводу г. Д. Городецкій въ „Спб. Вѣд.“,—ближайшими шли: Гольцевъ и Немировичъ. Около могилы были: Златовратскій, Анучинъ, Горькій, Телешевъ, Михѣевъ, Невѣжинъ и др. И никто не нашелъ возможнымъ что-нибудь сказать. И похороны Чехова прошли бы точь въ точь, какъ похороны какого-нибудь титулярнаго совѣтника, если бы сама публика, послѣ добрыхъ двухъ часовъ томительнаго ожиданія, не начала тутъ же, не выходя изъ рядовъ, импровизировать... Но что это была за импровизація!

„Я—еще юноша, ребенокъ“,—истерически выкрикивалъ одинъ.

„Я не могу связать двухъ словъ“,—жаловалъ другой.

Затѣмъ стали разбирать, что мы переживаемъ сейчасъ: безвременье или благовременье. И нашли, что мы созрѣли, что мы „общество“ и что мы безвременье пережили. А открылъ эту серію рѣчей диллетантъ изъ декадентовъ вычурными фразами, прозвучавшими рѣзкимъ диссонансомъ чеховской простоты.

Почему же не говорили тѣ, которые должны были говорить? Тѣ, отъ которыхъ этого ожидали? Если похороны Чехова—общественное явленіе, то надъ его могилой необходимо было говорить. „Тѣснота? Неподходящее настроеніе? Желаніе избѣжать помпы?“ Все это—отвѣты не выдерживающіе критики. Настроеніе надо было и можно было создать. Какой смыслъ имѣли тѣ рѣчи, которыя на слѣдующій день были произнесены надъ могилой въ тѣсномъ кружкѣ? Вѣдь не для газеты же онѣ говорились? И не для собственнаго самоуслаженія? Нужны онѣ были тому множеству готовящейся къ жизни молодежи, которая шумно столпилась вокругъ могилы, собираясь жадно ловить каждое слово. Нужны онѣ были толпѣ для того, чтобы именемъ Чехова, именемъ его чуткаго таланта, памятью объ его правдѣ и теплотѣ создать хоть на минуту одну душу, одно настроеніе...

Нѣтъ, не удались похороны Чехова. Такъ не хоронятъ близкаго, роднаго человѣка. И такъ, въ особенности, не хоронятъ близкаго, дорогого писателя!..

****** Бесѣдуя со Л. Н. Толстымъ (см. вчерашій № «Кіев. Откл.»), сотрудникъ «Руси» г. Зенгеръ заговорилъ, между прочимъ, о «Человѣкѣ» М. Горькаго. Интервьюеръ увѣряетъ, будто Л. Н. Толстой такъ отзывался о талантливомъ писателѣ:

Вообще, я не понимаю, за что его сдѣлали „великимъ“. Что онъ сказалъ: что у босняка есть душа? Это такъ, но это извѣстно было и рабѣ... Новаго ничего...

Чувствуется въ этомъ отзывѣ субъективное участіе г. Зенгера... Что-то не такъ.

****** «Рус. Сл.» рассказываетъ курьезную исторію о томъ, какъ г. Марксъ наказалъ А. П. Чехова: онъ лишилъ покойнаго писателя званія своего лучшаго друга. Произошло это такъ:

Сейчасъ же послѣ кончины А. П. Чехова г. Марксъ прислалъ въ редакцію „Русской Мысли“ для возложенія на гробъ почившаго писателя вѣнокъ съ надписью:

— Незабвенному сотруднику и дорогому другу отъ издателя „Нивы“ А. Ф. Маркса.

Но тутъ появилось въ газетахъ, что покойный А. П. Чеховъ далеко не считалъ г. Маркса своимъ „Благодѣтелемъ“, что его тя-

готило нравственно обязательство работать на г. Маркса.

Г. Марксъ, очевидно, разсердился.

Въ редакцію „Русской Мысли“ поступило заявленіе отъ представителя г. Маркса:

— Потрудитесь возвратить г. Марксу этотъ вѣнокъ. Г. Марксъ самъ въ Петербургѣ возложить другой.

Желаніе г. Маркса, конечно, было исполнено.

Г. Марксъ возложилъ въ Петербургѣ другой вѣнокъ. На лентахъ уже значится только:

— Незабвенному сотруднику отъ А. Ф. Маркса.

„Дорогой другъ“ исчезъ.

Г. Марксъ наказалъ почившаго писателя.

Слава Чехова, — резонно замѣчаетъ газета, — конечно, ничего не потеряла отъ того, что г. Марксъ лишилъ его званія своего «дорогого друга». Вся эта „месть“ способна вызвать только улыбку. И улыбку пренебрежительную.